

«Я последовательно вношу свой вклад в оценку советской экономической модели»¹

Штефан Мерль

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета, Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд (Германия).
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Аннотация. В рамках нашей традиционной рубрики «Интервью с исследователем» представляем здесь избранные фрагменты из биографических воспоминаний Штефана Мерля, профессора Билефельдского университета, известного исследователя аграрной экономики и политики советского государства. Текст воспоминаний написан в форме ответов на вопросы, которые сформулированы вместе Штефаном Мерлем и его давним коллегой и другом Александром Никулиным. Вопросы задают направление для размышлений ученого над своей биографией в значительной степени связанной с изучением истории, культуры России, в особенности с исследованием судеб российского села, трагедии коллективизации, изгибов советской аграрной политики. В этих воспоминаниях отразились драматические эпизоды европейской истории второй половины XX века, часть из которых автор пережил сам, а другие исследовал с точки зрения своих научных изысканий. Свойственные профессору Мерлю феноменальное трудолюбие, глубокое знание исторических источников и исследовательская объективность позволили ему по-новому взглянуть на причины событий, которые стали историей совсем недавно либо даже становятся историей сейчас. Здесь мы публикуем отрывок из его воспоминаний, полный текст которых планируем издать в следующем году в книжной серии библиотеки журнала «Крестьяноведения».

Ключевые слова: Россия, Германия, СССР, сельское хозяйство, коллективизация, аграрная политика, перестройка

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-1-131-163

Детство, юность, учеба в школе и в институте: как получилось, что я стал учить русский язык и как сложилась тема моей диссертации

Я родился в сентябре 1947 года в Гамбурге. Дом, в котором я рос, построил мой дед в начале 1930-х годов. Вокруг дома разбит сад площадью около десяти соток. Все это находится на северо-восточной окраине Гамбурга. Я до сих пор живу в этом доме, если не считать отъезды по работе и другим делам.

1. Перевод с немецкого Л. А. Овчинцевой, редактирование А. М. Никулина, И. А. Кузнецова

Мое детство пришлось на первые послевоенные годы, связанные с лишениями. Мы держали кур, в саду был устроен огород. После войны в Гамбурге с жильем было трудно, и жителей разбомбленного центра города расквартировывали в уцелевших зданиях на его окраинах. В нашем небольшом домике ютились 12 человек, включая нашу семью.

Возможно, вам будет интересно узнать, как на мою семью повлияла миграция. В конце XIX века мои прабабушка и прадедушка переехали из села в город. Мой дед в детстве разносил молоко (по-видимому, мои прадеды имели небольшой молочный магазинчик).

Мой отец родился в 1924 году в городе Тёрёкбалинт, недалеко от Будапешта. Во время войны он приехал в Гамбург, чтобы получить коммерческое образование. Здесь он познакомился с моей матерью. Сестра моей мамы, Долли, в начале 1950-х годов эмигрировала в США, на что ее подвигли среди прочего стесненные жилищные условия. Там уже несколько десятилетий жили наши родственники, с которыми моя семья поддерживала связь. В США Долли познакомилась с черкесом Рашидом. Во время Второй мировой войны он вынужденно воевал на стороне немцев, поэтому не смог вернуться в Советский Союз, а эмигрировал в США, где и встретил Долли.

В Венгрии остались наши родственники, которых я посетил во время летних школьных каникул 1966 года, что дало мне первый опыт знакомства со странами «за железным занавесом». Больше всего мне понравился Будапешт — замечательно красивый город, живописно расположенный по обоим берегам Дуная. Но я также увидел и следы от пуль на стенах знаний, оставшиеся на многих домах в центре города после событий Народного восстания 1956 года.

Моя первая поездка в США состоялась летом 1971 года и оставила глубокие впечатления. В школе я всегда очень плохо говорил по-английски. В семье Долли я оказался в англоязычной среде, где многие говорили по-английски с ошибками, я быстро перестал стесняться и разговорился. В кругу знакомых семьи Долли я повстречал некоторых оказавшихся в эмиграции черкесов и столкнулся с совершенно новым для меня образом жизни. Даже в США черкесы продолжали поддерживать свои патриархальные обычаи, так, женщинам не разрешалось общаться с мужчинами. Рашид, муж Долли, рассказал мне о своей юности в Советском Союзе, о том, как была «раскулачена» его семья, как погиб их скот, как он жил и работал в колхозе. Были у него и положительные воспоминания, большей частью касавшиеся расширения доступа к образованию в 1930-х годах.

Я воспользовался существовавшими тогда весьма неплохими и очень бюджетными возможностями, чтобы совершить путешествие по Соединенным Штатам. Я купил месячный проездной билет на автобус компании «Грейхаунд», а в то время в центре городов рядом с автобусными станциями все еще существовали пусть

и ветхие, но очень недорогие отели. Я проехал через всю страну с Восточного побережья до Западного, посетив по пути несколько очень впечатляющих национальных парков, а также повстречался со многими людьми. Помню отца одной моей знакомой, врача и мормона. Он был твердо убежден в том, что немецкая система социального обеспечения и здравоохранения, гарантировавшая здоровье и безопасность всего населения, должна расцениваться как «социалистическая» и, следовательно, предвзятая. В то время этого мнения придерживалось большинство американцев. Так я впервые осознал, насколько взгляды и ценности многих американцев отличались от того, с чем я был знаком в Германии.

Как вышло, что в школе я изучал русский язык, хотя рос в Федеративной Республике Германия

После начальной школы я поступил в гимназию. С 5-го класса начал учить английский язык, с 7-го класса к нему присоединилась латынь. В старших классах я стал брать уроки французского как второго иностранного языка. Также я выбрал математику и естественные науки. Это имело значение для моего дальнейшего образования — немногие историки достаточно хорошо разбираются в математике и статистике.

В 1960-х годах изучение русского языка в школах было обязательным в Восточной Германии, а в Западной Германии едва ли можно было найти школу, где преподавали русский. Но в 1965 году в нашей школе благодаря случайности появился учитель русского языка, и я принял решение отказаться от латыни (которую потом пришлось доучивать в университете) и вместо этого учить русский (уж точно не помню, по какой причине). В любом случае, это существенно повлияло на мой дальнейший жизненный путь. Конечно, при принятии решения сыграли свою роль политические настроения того времени, повышение проницаемости «железного занавеса», и то, что мы сделали это вместе с друзьями-одноклассниками. Несомненно, сыграла свою роль и своего рода экзотическая привлекательность русского языка с его кириллицей. Уроки русского доставляли нам удовольствие. Начало некоторых стихотворений на русском помню до сих пор, например: «Чижик, Чижик, где ты был? — На Фонтанке водку пил». Так и вышло, что я закончил гимназию со знанием русского языка, что было очень необычно для тогдашней ФРГ.

Изучение истории в контексте студенческого протестного движения

Моя учеба в университете началась после завершения армейской службы с летнего семестра 1969 года. Студенческое движе-

ние в университетах было в самом разгаре, в то же время начались реформы структуры и содержания образования. Первые семестры были отмечены демонстрациями против издательства Шпрингера и войны во Вьетнаме, на демонстрациях все время скандировали «Че Гевара».

В то время в учреждениях высшего образования активно действовали политические группы: социалисты, социал-демократы, «Спартак», коммунисты. Левые партии привлекали политически активных студентов, но меня удерживало подкрепленное фактами знание советской истории. Членство в «Спартаке» потребовало бы отрицать факт голода в Советском Союзе в 1932–1933 годах с миллионами жертв — я не был готов к этому. Из множества надежных источников я знал, что это был голод со всеми его катастрофическими демографическими последствиями.

В качестве предметов для специализации я выбрал историю и политику, но затем политику включили в курс истории, и я взял славистику с тем, чтобы по окончании университета стать преподавателем истории и русского языка.

С сегодняшней точки зрения я бы отметил один момент, который сильно повлиял на мою учебу в университете, а затем и на мои научные исследования. Многие студенты в то время всерьез были озабочены улучшением образования, поиском более значимого содержания. Многие были готовы буквально посвятить себя учебе и тратили очень много сил на самостоятельные занятия. Вместе с несколькими преподавателями мы опробовали тогда новые методы и формы обучения. Такой вовлеченности студентов и такого стремления к знаниям мне, как преподавателю университета, теперь все больше не хватает. Особенно после 2000 года многие студенты ограничиваются всего лишь получением минимальных проходных оценок.

Для нас реформа структуры и содержания образования была приоритетом. Совет факультета избрал меня членом Комиссии по реформе образования. Мы выступали за переход к так называемому углубленному изучению (*exemplarisches Lernen*), сконцентрированному не на передаче фактических знаний и исторических данных, а в большей степени на всестороннем и глубоком изучении отдельных тем и выполнении всех необходимых этапов работы, включая поиск наиболее подходящих методов для исследования каждой отдельной темы. На семинарах мы практиковали групповую работу, старались, чтобы это было не формально, и таким образом достигалась проработка всех тем всеми участниками, и только формулировка отдельных разделов выполнялась отдельными людьми. Одной из тем, над которой работала наша группа, были восстания рабов в древней истории. Помню, что один молодой преподаватель был поражен тем, сколько времени мы потратили на проработку темы и разбор состояния исследований.

Как получилось, что я выбрал тему из российской истории (аграрный рынок и НЭП) для своей дипломной работы в университете, а затем и для диссертации

Штефан Мерль
«Я последовательно вношу свой вклад в оценку советской экономической модели»

Тема моей диссертации возникла в результате учебного эксперимента, который организовал наш преподаватель доктор Проэль. Он и раньше нередко предлагал темы, касавшиеся Восточной Германии, а в этот раз предложил разобрать «Причины и последствия событий 17 июня 1953 года в ГДР». 17 июня в ГДР произошли демонстрации, которые начались с забастовки строителей проспекта Сталина в Берлине и затем быстро переросли в массовое протестное движение, в конечном итоге закончившееся вводом советских войск. Мы готовили семинар в студенческой рабочей группе, занимались во время каникул вместе с лектором.

Мы выяснили, что восстание строителей произошло вследствие «нового курса», который советские лидеры после смерти Сталина навязывали Восточной Германии (а также Венгрии), с целью остановить растущее недовольство населения прежним курсом. «Новый курс» предусматривал приостановку начатой принудительной коллективизации сельского хозяйства и продиктованного Сталиным курса на индустриализацию, направленного на достижение народнохозяйственной автаркии каждой страны. Вальтер Ульбрихт после этого сознательно спровоцировал строителей, которым он не отменил ненавистного для них повышения нормы выработки — это Москва забыла приказать. Фактически это означало снижение заработной платы для строителей, в то время как для других групп населения вступили в силу послабления, направленные на прекращение массового бегства из Восточной Германии в Западный Берлин и в Федеративную Республику Германия.

Как известно, восстание предотвратило смещение Ульбрихта, которое на самом деле планировал Берия. Это стало роковым событием для самого Берии, привело к изменению политического курса и, к большому неудовольствию Хрущева, поставило под сомнение дальнейшую коллективизацию сельского хозяйства. Непреднамеренно забастовка строителей в конечном итоге дала противоположный, нежели планировался, результат: она позволила Хрущеву успешно начать интригу против Берии, которая летом 1953 года привела к его аресту и в конечном итоге к его расстрелу на основе сфальсифицированного приговора. При этом Хрущев и его товарищи на июльском пленуме 1953 года даже не побоялись возложить вину за сталинский террор на Берию. Более того, они выдали себя тем, что разоблачили Берию как «иностранного шпиона», и этой ложью прикрывались потом десятки лет. Все это решающим образом повлияло на дальнейший ход советской истории. Таким образом, Хрущеву удалось отстранить от власти сначала Берию, а потом и Маленкова — двух партийных лидеров, которые весной 1953 года решительно выступали за десталинизацию.

Главной темой наших дальнейших изысканий в течение следующих семестров стало изучение того, что это была за система, которую навязывали Восточной Германии, поэтому мы обратились к России до прихода к власти большевиков: как проходила индустриализация до революции, как возник аграрный вопрос. Третий семестр был посвящен экономической и социальной политике большевиков: военному коммунизму и новой экономической политике, форсированной индустриализации и коллективизации. На этом этапе мне нужно было выбрать тему для своего диплома и выпускного государственного экзамена. Принимая во внимание мои познания в русском языке, я хотел сделать что-нибудь о России. И новая экономическая политика заинтересовала меня как мера, альтернативная принуждению к коллективизации и террору 1930-х годов. Меня интересовал вопрос, действительно ли новая экономическая политика была обречена на провал? Чтобы ответить на него, я решил изучить рынок продукции сельского хозяйства: были ли перспективы крестьянского сельского хозяйства столь плохими, как представлял их Сталин.

В дипломной работе я попытался выяснить, будет ли мой методологический подход, основанный на систематической оценке современных публикаций, особенно научных журналов, подходящим для получения новых результатов и повышения уровня исследований. В качестве темы я выбрал «Зерновой кризис 1927–1929 годов и его причины». Предварительное уточнение состояния исследований показало, что (фактическому) социальному и экономическому развитию во время НЭПа ранее уделялось мало внимания. Я обнаружил обширные материалы, в том числе статистические, которые еще не были изучены. Я был поражен тем, сколько обследований социальной дифференциации крестьян и сельскохозяйственного рынка было осуществлено в 1920-х годах специалистами в рамках подготовки к планированию, качество которого зависело от имеющейся базы данных. Даже по первым оценкам имевшихся материалов, стало понятно, что стандартный рассказ о провале НЭПа явно противоречил экономическим фактам. Было очевидно, что продолжение НЭПа было бы не только благоприятно для крестьян, но и обеспечило бы гораздо более прочную основу для форсированной индустриализации.

Таким образом, сформулированный тогда вопрос о причинах и последствиях событий 17 июня 1953 года в ГДР навел меня на изучение новой экономической политики и советской аграрной экономики. Следовало опровергнуть ошибочный тезис о том, что коллективизация была необходимой для индустриализации. (Причем его можно встретить до сих пор, например, в недавней публикации видного историка В. В. Кондрашина².)

2. *Кондрашин В. В.* (2021). НЭП в контексте аграрных реформ в России эпохи индустриальной модернизации // *Российские экономические реформы*

Тогда же я обнаружил, что важные советские журналы были доступны в Гамбургском архиве мировой экономики, имелись и другие материалы, в том числе архив журналов в Институте мировой экономики в Киле. В январе 1975 года я закончил учебу в университете, моя дипломная работа получила очень хорошую оценку на государственном экзамене, равно как и устные экзамены. С работы над диссертацией началось мое вхождение в научную деятельность.

Как проходила работа над диссертацией, какие контакты были важны при этом, какие впечатления остались от первой исследовательской поездки в Советский Союз?

Тема «Сельскохозяйственный рынок и новая экономическая политика» очень подходила для оценки советского эксперимента и привлекала внимание западных исследователей того времени. Дискуссионным оказался вопрос о том, действительно ли уход от новой экономической политики в сторону тотального принуждения в экономической и социальной сферах в целях ускорения индустриализации страны был так уж необходим для того, чтобы в оставшееся до гитлеровского вторжения в 1941 году десятилетие страна экономически достаточно окрепла. В начале 1970-х годов это утверждение все больше ставилось под сомнение западными исследователями, которые пытались выяснить, а не был бы НЭП жизнеспособной альтернативной стратегией социалистического строительства и быстрой индустриализации. И действительно ли коллективизация сельского хозяйства являлась необходимым условием форсированной индустриализации? В этом сомневались, например, Моше Левин и Роберт Такер, но особенно Джордж Ф. Карч (George F. Karcz), который изложил свою точку зрения в работе «Сельское хозяйство и экономика советского развития» (1965) и в различных эссе. Джеймс Р. Миллар также выступал против официальной советской точки зрения, в то время как Эвард Х. Карр и Роберт У. Дэвис были склонны объяснять развитие событий трудностями индустриализации в стране, где доминировало мелкое крестьянское хозяйство. Среди советских историков Виктор Данилов, в частности, высказал сомнения в правильности решения о проведении коллективизации.

В марте 1973 года я впервые связался с Карлом-Ойгеном Вединским, в то время лучшим знатоком советского и восточноевропейского сельского хозяйства в Германии, который преподавал в Университете Юстуса Либиха в Гиссене. Он незамедлительно ответил

в региональном измерении. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа / Отв. ред. В. А. Ильиных, В. М. Рынков. Новосибирск. С. 241–249.

и указал мне на материалы Смоленского архива, хранящиеся в Национальном архиве в Вашингтоне. Также он посоветовал мне связаться с Моше Левином. К моему плану провести исследования в архивах Советского Союза он отнесся скептически.

Я поехал за свой счет в США летом 1973 года, чтобы ознакомиться с имеющимися там материалами и установить первые контакты с историками, изучавшими Восточную Европу. В Публичной библиотеке в Нью-Йорке я обнаружил довольно обширные фонды с материалами о Советском Союзе. Из Нью-Йорка я отправился в Бостон, чтобы изучить фонды библиотеки Уайденера и архив Троцкого. В Калифорнии я обратился в Институт Гувера при Стэнфордском университете, который располагал внушительными архивными материалами и личными фондами, которые были переданы по завещаниям. В Стэнфордском университете я познакомился, в частности, с Бертрамом Вулфом и Дороти Аткинсон. В университете в Беркли мне удалось встретиться с Р. Зельником. На обратном пути я заехал в Колумбийский университет, где познакомился с Раффом и Эрлихом.

Чтобы ответить на вопрос о том, действительно ли отход от НЭПа был необходимым следствием социально-экономического развития деревни 1920-х годов, я прежде всего хотел уточнить, насколько эффективно действовало государственное регулирование производства и сбыта в крестьянских хозяйствах. В этом контексте решающее значение приобрела система сельскохозяйственных кооперативов 1920-х годов. Поэтому первоначально я планировал сравнить проблемы объединения крестьян в кооперативы в двух отдельных российских регионах (формулировка темы в июле 1973 года: «Развитие кооперативной организации мелких крестьян-производителей в Советском Союзе в 1921–1929 гг.»). Это предполагало доступ к материалам архивов на местах, поэтому я обратился в Германскую службу академических обменов (DAAD) с просьбой о ежегодной стипендии для поездок в Советский Союз. Мое ходатайство было отклонено. С сегодняшней точки зрения, я должен сказать, что это был подарок судьбы, хотя в то время я был очень расстроен. Отказ заставил меня изменить подход и изучить вопрос о ходе НЭПа на основе имевшихся материалов, опубликованных центральными органами власти. Благодаря этому я лучше понял механизм действия центральных политических структур Советского Союза, и это повысило обоснованность моих выводов. Но что еще более важно, отказ в предоставлении гранта для работы в Советском Союзе открыл для меня возможность подать заявку на стипендию для поездки в Соединенные Штаты. Там был доступен для оценки практически весь материал, опубликованный в СССР. По сравнению с затруднительными условиями работы в Советском Союзе, о которых я составил удручающую картину во время исследовательской поездки осенью 1976 года, это было огромным преимуществом.

Поездка в США позволила мне максимально эффективно использовать ограниченное время: здесь я без проблем получил доступ к важным для меня материалам. В Стэнфорде помимо архивов я смог просмотреть личные фонды (в том числе и наследие Карча). В Национальном архиве в Вашингтоне я получил доступ к хранящимся там фондам Смоленского партийного архива. Самое главное, я обнаружил, что везде, в том числе в архивах, имелись отличные возможности для копирования — я воспользовался этим, и обширный скопированный материал мог затем спокойно обрабатывать в Германии.

При осмыслении методических подходов к диссертации решающую роль сыграли материалы Смоленского партийного архива. Это дало мне представление о механизмах государственного управления и работе региональных партийных организаций, что невозможно было понять из публикаций. Познавательная ценность этого архивного материала стала очевидной благодаря Мерлу Файнсоду, который просмотрел и проанализировал этот материал в Соединенных Штатах и представил в своей публикации «Смоленск при советской власти» (1958). Это еще одно доказательство того, насколько плодотворной была оценка этого архивного комплекса для понимания функционирования советской системы. Смоленский партийный архив изначально был захвачен немцами в 1941 году, после окончания войны американцы перевезли его в Вашингтон, где он хранился в Национальном архиве до возможного возвращения Советскому Союзу³. Для меня советские архивы в то время в принципе оставались бы закрытыми, а этот материал позволил мне получить очень ценный и совсем не очевидный взгляд на советскую систему. Его изучение раскрыло мне, как функционировало партийное управление.

Осенью 1976 года, благодаря только что начавшемуся сотрудничеству между Гамбургским университетом и Ленинградским государственным университетом (ЛГУ), я все же получил возможность поехать в Советский Союз на три месяца. У меня завязались хорошие контакты с профессором Лавровым и доцентом Ириной Олегиной. Потом даже выяснилось, что экономист Леонид Широкоград, который привлек мое внимание интересными публикациями по экономической теории, был ее мужем. До этого случая я не знал, что супруги в СССР могут носить разные фамилии. Я был несколько раз у них в гостях, из их квартиры открывался великолепный вид на Неву и на крейсер «Аврора», пришвартованный у противоположного берега реки. И с ними, и с Лавровым я поддерживал активную переписку. К сожалению, Ирина, пережившая немецкую блокаду Ленинграда в детстве, скончалась несколько лет назад. Этот постоянный обмен мнениями на протяжении почти полувека представляет для меня особый интерес еще и потому, что дает мне воз-

3. Архив возвращен в Россию в 2002 году.

возможность наблюдать изменения взглядов и условий жизни в России на примере конкретных людей.

В ЛГУ меня поселили в гостинице «Советская», при которой был открыт магазин «Березка», весьма интересовавший некоторых моих русских знакомых. Кроме того, я получал совершенно царскую по тем временам стипендию в размере 300 рублей ежемесячно. Условия для работы в ленинградских библиотеках были сравнительно хорошими, но возможности для копирования практически отсутствовали. Мой рабочий день обычно шел по плану: с утра я работал в Публичке⁴, около 13.30 направлялся на «шведский стол» гостиницы «Европейская», а затем шел в библиотеку Академии наук, расположенную рядом с университетом. О ситуации с доступностью продовольствия в Ленинграде за пределами гостиницы «Европейская» я вспоминаю с ужасом — это была эпоха «рыбных дней». Даже в гостинице «Советская» питание было крайне ограничено, постоянно в наличии была только икра и полусладкое советское шампанское.

Для знакомства с неопубликованными диссертациями советского периода по теме моей работы мне потребовалась командировка в Москву, где пришлось преодолеть немалые бюрократические препоны, чтобы в конце концов получить доступ к диссертациям. Но для моей научной работы самым важным было то, что эта командировка позволила мне впервые встретиться с Виктором Даниловым. С его сочинениями я был хорошо знаком, и поэтому, конечно же, хотел встретиться с ним в Институте истории. Получился очень интересный разговор. После этой встречи мы поддерживали тесные контакты вплоть до его смерти.

Я также использовал свою стажировку для осмотра достопримечательностей. Поскольку я говорил по-русски, то позволял себе выехать за пределы 30-километровой зоны вокруг Москвы и Ленинграда, разрешенной для посещения иностранцам из стран Запада, так как считал, что в случае проверки могу сойти за немца из ГДР, а на граждан соцстран эти ограничения не распространялись. Так я познакомился не только с историческими памятниками Шлиссельбургской крепости, Владимира и Суздаля, но и с характерными чертами советского строя. Во время поездок по США на автобусах «Грейхаунд» я видел ужасную нищету, которую я не наблюдал в Германии, еще большую бедность и алкоголизм населения как часть повседневной жизни в рамках советской системы можно было наблюдать, только покинув 30-километровую «зону для иностранцев».

4. Российская национальная библиотека, до 1992 года — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Пока я писал диссертацию, я приобрел и практический опыт в сельском хозяйстве. Моя сестра увлекалась верховой ездой и завела исландских лошадей. Как-то так само собой получилось, что мы оказались оба вовлечены, и в конце концов я стал отвечать за их содержание (к тому времени их число достигло десяти). В стаде гулял жеребец, так что иногда мы получали по три жеребенка в год. Я совершал прогулки верхом по окрестностям в радиусе до 50 км. Это было хорошей разрядкой и компенсировало напряженную сидячую работу.

Для содержания наших лошадей мы арендовали около 6 га пастбищ всего в километре от нашего дома. В уходе за животными нам помогали девочки-подростки, каждая заботилась об одной лошади и могла потом кататься на ней. Исландских лошадей можно держать на пастбище круглый год, у них достаточно густая зимняя шерсть, поэтому необходимые затраты на их содержание, включая аренду пастбища, были не очень велики, тем более что мы также могли продавать взрослых жеребят. Чтобы сократить расходы, мы сначала вручную вилами собирали сено для кормления зимой, работника нанимали только для сенокоса и прессования сена. В погодных условиях Гамбурга главной задачей было выбрать подходящее время для сенокоса, чтобы после укоса не было дождя и сено смогло просохнуть в течение пяти дней. Эту задачу я обычно решал хорошо.

Учитывая, что найти работника на сенокос было довольно трудно, так как работать надо было с раннего утра до позднего вечера и пока стояла хорошая погода, я решил перейти на механизацию. Приобрел по разумной цене старый трактор, к нему роторную косилку и сеноворошилку. Косить и ворошить сено я отныне мог сам, используя трактор. Эти мои занятия дали мне ценную информацию для оценки использования тракторов в Советском Союзе. Пока моя работа была вблизи дома (с конца 1970-х до конца 1980-х), я мог взять недельный отпуск для кошения сена. Но после того как с 1989 года я стал работать в Гиссене, такой возможности больше не было. Уже в 1980 году нашего жеребца пришлось кастрировать, и жеребят больше не было. Число лошадей сократилось, а несколько наших лошадей достигли почтенного возраста 36 лет.

С одной из девушек, катавшихся с нами, я подружился. В конце концов мы поженились в 1983 году. На выходе из церкви после церемонии бракосочетания нас встретила группа наших друзей верхом на лошадях, и эта дружеская кавалькада нас торжественно сопровождала, что было очень трогательным зрелищем. В 1984 году родился мой старший сын Кристоф, а в 1986 году — младший Тобиас.

Таким образом, кроме изучения советского сельского хозяйства и мелкого крестьянства 1920-х годов, я одновременно приобрел и практический опыт в содержании небольшого стада лошадей.

Как с моей темой диссертации мне удалось войти в профессиональную жизнь? Работа в качестве научного сотрудника по специальности «экономическая и социальная история» в Свободном университете Берлина, расширение моих международных связей (годы с 1980-го по 1988-й)

Мое обучение в Гамбургском университете завершилось в 1980 году. Я сдал два госэкзамена, защитил кандидатскую диссертацию, прошел обязательную практику. Теперь мне нужно было найти работу. Я не рассматривал всерьез перспективу стать учителем в школе, потому что хотел продолжить работу на академическом уровне. Кроме того, трудоустройство в школе по моей специальности в то время было довольно сложным. Ключевым условием для начала академической карьеры являлось наличие опыта преподавания в университете. Мне удалось устроиться преподавателем в университеты Гамбурга и Билефельда на летний семестр 1981 года. В обоих университетах я продолжил преподавать и в следующем зимнем семестре. В Билефельде я выбрал в качестве темы для курса: «Сталинизм и культурная революция».

Найти работу было непросто. Большинство моих заявок отклоняли, но должно же было мне в конце концов повезти. Я подавал заявки не только на вакансии по истории Восточной Европы. Тема моей диссертации также была тесно связана с экономической и социальной историей, поэтому я подал заявку на вакансию научного сотрудника по экономической и социальной истории в Свободный университет Берлина. Мое заявление попало к заведующему кафедрой Вольфраму Фишеру. Он был одним из самых известных ученых в области экономической и социальной истории и руководил в университете институтом с обширной библиотекой, одновременно он исполнял обязанности редактора справочника по европейской экономической и социальной истории. Для пятого тома главу о России (1850–1914) написали Аркадий Кахан и Дитрих Байрау, для шестого тома требовалась глава о России и Советском Союзе (1914–1980). Вольфрам Фишер обратился сперва к своему коллеге в области экономики из Свободного университета Берлина, но что-то не складывалось, поэтому на всякий случай он искал другого подходящего и достаточно квалифицированного автора. Вольфрам Фишер пригласил меня на собеседование в Берлин для знакомства, а чтобы в случае необходимости привлечь меня к этой работе, поспособствовал получению мною гранта для моего нового

исследовательского проекта «Развитие советского колхозного строя в тридцатые годы». Грант фонда Fazit был выделен в середине августа 1980 года: я получил хорошую стипендию (включая командировочные) на два года, начиная с сентября 1980 года, а в апреле 1981 года ученый-экономист отказался от написания статьи в шестой том, так что в июне 1981 года я подписал с издательством контракт на ее подготовку.

Подготовка справочной статьи «Россия и Советский Союз, 1914–1980» была для меня непростой задачей. Нужно было собрать и оценить данные по всему ходу экономического развития Советского Союза, а не только по сельскохозяйственному сектору. Необходимо было написать четыре раздела: раздел «Население» был посвящен сбору и интерпретации демографических данных, раздел «Общество» — данным о социальном расслоении, занятости, условиях труда, уровне жизни и образовании. В разделе «Экономика» рассматривались основные характеристики общего экономического развития, данные о сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, внутренней и внешней торговле, и, наконец, в разделе «Государство и экономика» — система планирования, денежно-кредитная политика, банковское дело, кредитование, налоговая система и государственный бюджет. Я опирался на солидную источниковую базу, в которой рассматривались не только советские данные и ставилась проблема объективности расчетов, но и предлагались альтернативные оценки. Сопоставление мнений различных экспертов, включая экспертов ЦРУ, дало мне фундаментальные знания по оценке экономических данных. Очевидно, что данными о процентном росте было легко манипулировать и, следовательно, они не имели большого значения. Сбор и оценка данных принесли мне большую пользу: я получил базовые экономические знания о ходе советского экономического эксперимента до 1980 года. Четко обозначились успехи и неудачи советской политики, например, оказавшие долгосрочное влияние катастрофические последствия уничтожения сельскохозяйственных производственных ресурсов в ходе принудительной коллективизации. Я получил представление об этапах форсированной индустриализации и о новом кризисе экономического роста, начавшемся уже в 1937 году. Четко обозначилась устойчивая тенденция к снижению темпов роста, в 1960-х годах рост еще более снизился. Основываясь на этом материале, в последующие годы я продолжал вносить свой вклад в оценку советской экономической модели. Изучение ее слабых сторон стало одним из направлений моих исследований⁵.

5. См., например: *Мерль Ш.* (2017). Советская экономика: современные оценки // Экономическая история: Ежегодник 2016/17. М.: ИРИ РАН. С. 303–349.

Немногие историки оказываются компетентными в оценке экономических данных, поэтому мое обсуждение проблемы аграрного рынка и приобретенный мною опыт исследования этапов советской экономической политики стали важной основой для моей дальнейшей научной работы. Моя статья была опубликована в 6-м томе «Европейской экономической и социальной истории» в 1987 году и получила очень положительные отзывы⁶.

Вольфрам Фишер дал мне еще одно сложное задание: я должен был представить доклад о Советском Союзе на его секции «Экономические ограничения и возможности для развития в экономической и социальной политике в межвоенный период» на конференции «День немецких историков» в Мюнстере в октябре 1982 года. Это потребовало одновременно продумать и возможные варианты, и адекватно представить результаты моей работы по коллективизации сельского хозяйства. Я отталкивался от исследований моих предшественников, согласно которым советская экономическая и социальная политика определялась прежде всего материальными ограничениями. Я считал, что решение о форсированной индустриализации ни в коем случае не являлось результатом планомерного управления национальной экономикой, а было продиктовано волюнтаристскими установками партийного руководства. Я описал, как изменился уровень принятия экономических решений по сравнению с предыдущим периодом царской России, насколько широким был спектр предложений экспертов по индустриализации в середине 1920-х годов и как в конечном итоге сталинские репрессии и его волюнтаристские представления о том, что деньги уже не имели значение для регулирования экономики в 1927–1929 годах, привели к ослаблению возможности управлять экономическими процессами, и в конце концов эта возможность была полностью утрачена из-за истощения ресурсов и высокой текучести рабочей силы. Я показал, что именно нехватка тракторов в условиях давления, оказываемого на хозяйственные органы, способствовала все большему ускорению темпов коллективизации и, таким образом, привела к уничтожению поголовья лошадей. Наконец, что относительный успех форсированной индустриализации вообще стал возможен только благодаря непредсказуемому мировому экономическому кризису. Советское руководство извлекло из этого выгоду отнюдь не только в пропагандистском плане. Нападение Сталина на крестьян уже ранее в значительной степени уничтожило ресурсы, необходимые для экспорта зерна, и, таким образом, падение мировых цен на сельскохозяйственную

6. *Merl S.* (1987). *Wirtschafts- und Sozialgeschichte Rußlands und der Sowjetunion 1914–1980* // Wolfram Fischer (Hg.), *Europäische Wirtschafts- und Sozialgeschichte vom Ersten Weltkrieg bis zur Gegenwart* (Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte, Bd. 6), Stuttgart. S. 640–728.

продукцию почти не нанесло ущерба Советскому Союзу. Но он получил огромную выгоду в годы первой пятилетки, потому что в результате Великой депрессии советские заказы на промышленное оборудование не только были выполнены немедленно, но советской стране был предоставлен кредит, в первую очередь со стороны Германии. Вследствие кризиса безработные специалисты были приняты на работу. В разделе, посвященном социальной политике, я описал, как при Сталине режим, который изначально был прогрессивным в некоторых областях, трансформировался в репрессивные меры по отношению к трудящимся. В качестве выводов я предложил переосмыслить подходы и оценки сталинского периода⁷.

Решающий вклад в мое международное общение с учеными, работающими над аграрной политикой Восточной Европы, внесло мое участие в «Международных конференциях по советскому и восточноевропейскому сельскому хозяйству» при посредничестве Карла-Ойгена Ведекина. Эта группа экспертов была собрана благодаря контактам Ведекина в США. На встречах речь шла об обмене мнениями и знаниями о развитии сельского хозяйства и его перспективах в Восточной Европе и, в частности, в Советском Союзе. Присутствовал также большой интерес с точки зрения экономики и политики безопасности после того, как Советский Союз увеличил спрос на зерно на мировом рынке и таким образом повлиял на цены. В первую очередь США и Франция как экспортеры зерна были заинтересованы в прогнозировании будущего развития советского сельскохозяйственного производства и, следовательно, спроса на зерно. Среди участников из США, помимо ученых, которые преподавали в университетах, были эксперты Министерства сельского хозяйства и люди, с начала 1950-х годов занимавшиеся научными исследованиями функционирования советской системы. Со стороны Германии приняли участие эксперты Центра континентальных сельскохозяйственных и экономических исследований из г. Гиссена. Также были приглашены отдельные эксперты из социалистических стран Центральной и Восточной Европы.

Впервые я принял участие в 7-й конференции по советскому и восточноевропейскому сельскому хозяйству, которая состоялась в Гриньоне, недалеко от Парижа в июле 1984 года и была организована Дени Бергманом. Среди представивших свои доклады было много известных имен: Алек Ноув, Михаил Эллманн и Рой А. Лэрд. Базиль Кербле прокомментировал мой вклад в изучение роли советского сельскохозяйственного сектора в процессе развития. Гре-

7. *Merl S.* (1985). Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit // Sachzwänge und Handlungsspielräume in der Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit / Wolfram Fischer (Hg.). St. Katharinen. S. 175–229.

гор Лазарчик, Юджин Залески и Карл-Ойген Ведекин подвели итоги конференции.

Перед встречей в Гриньоне Холланд Хантер прислал мне свою статью о моделировании альтернатив. После нашей встречи в Гриньоне Вальтер Шмидт сообщил мне в декабре 1984 года, что на данный момент не представляется возможным, как было обещано, пригласить меня посетить ГДР. В январе 1985 года в другом письме он указал мне на книгу, вышедшую в Москве в 1984 году: исследование Н. Фигуровской о развитии сельскохозяйственной теории в Советском Союзе⁸. Он полагал, что это была лучшая книга по сельскому хозяйству, вышедшая в Советском Союзе за последние годы.

Восьмая конференция состоялась в Беркли в августе 1987 года, ее оргкомитет возглавил Грегори Гроссман. В ней приняли участие многие известные ученые из США, Германии, Швеции, Франции, однако на Западное побережье США смогли добраться только два участника из Восточной Европы: Иван Бенет из Венгрии и Францишек Томчак из Польши.

После конференции была экскурсия, в ходе которой мы посетили Калифорнийский сельскохозяйственный кампус в Дэвисе. Я был очень удивлен, увидев, что выращенные здесь высококачественные корма, такие как люцерна, среди прочего напрямую экспортировались в Японию морским транспортом через Тихий океан.

К сожалению, с распадом Восточного блока это высококвалифицированное сотрудничество закончилось: 9-я и последняя конференция состоялась в Польше в сентябре 1990 года. На этот раз экспертов из Восточной Европы, в первую очередь из Польши, было значительно больше. После послаблений, вызванных перестройкой, из Советского Союза смогли приехать два эксперта по сельскому хозяйству: Гелий Шмелёв, с которым я уже встречался ранее, и Ю. В. Арутюнян. Из бывшей Восточной Германии присутствовали среди прочих Гюнтер Шмидт с докладом по теме: «Почему коллективизация провалилась», а Шмелёв и я прокомментировали его выступление.

Связи на международном уровне у меня были установлены еще во время работы над диссертацией, во время поездок по США и в Париже. Но наибольшее значение с 1980 года приобрел мой контакт с профессором Робертом (Бобом) У. Дэвисом, руководителем Центра российских и восточноевропейских исследований (CREES) Бирмингемского университета. Сразу же произошел очень плодотворный обмен идеями. В 1980-х годах я неоднократно участвовал в конференциях по советской экономической истории межвоенного периода в Бирмингеме и регулярно общался с ядром бирмингемской рабочей группы, в том числе со Стивеном Уиткрофтом.

8. *Фигуровская Н. К.* (1983). Развитие аграрной теории в СССР, конец 20-х — 30-е гг. М.: Наука.

К работе над своим новым исследовательским проектом по советскому сельскому хозяйству в 1930-х годах я приступил сразу же после защиты кандидатской диссертации, получив грант фонда Fazit. Мне была дана возможность представить свою концепцию в различных немецких университетах. Первая презентация прошла в рамках аспирантуры Рихарда Лоренца в Касселе в конце октября 1980 года, затем в декабре меня пригласили прочитать лекцию на тему «Советский колхозный строй в 1930-е годы. Производительность, стабильность, вклад в индустриализацию». Позже я выступил в Берлине, Бохуме, Тюбингене. И везде лекции были встречены одобрительно.

В начале 1981 года, с конца января по начало мая, я отправился в США для продолжительного исследования, финансируемого фондом Fazit. Я снова работал в архивах и библиотеках, с фондами которых я был знаком с 1975 года. В Гарварде я использовал в качестве дополнительного архивного источника опросы очевидцев о Советском Союзе в 1930-х годах. Гарвардский проект интервью (с полевым офисом в Мюнхене) охватил несколько тысяч бывших советских граждан. Помимо краткого общего интервью, некоторые эмигранты подробно рассказывали о своих трудовых и жизненных условиях, а некоторые — об их опыте работы в колхозах. Основные моменты обрисованной картины, такие как наличие информаторов секретной службы в колхозе, отношения колхозников между собой и с председателем колхоза, организация и мотивация труда или оценки конкретных работ, были достоверными, поскольку неоднократно упоминались разными респондентами разным интервьюерам в разное время и в разных местах. В конечном счете эти свидетельства очевидцев существенно дополнили картину, которая в остальном формировалась обычными архивными материалами, предоставленными властями, или письмами.

В Вашингтоне я снова работал в Национальном архиве, на этот раз изучая материалы Смоленского архива за 1930-е годы. На Западном побережье я провел месяц в Институте Гувера при Стэнфордском университете, изучая документы, в том числе переданные по завещанию. В Нью-Йоркской публичной библиотеке я просмотрел, в частности, ежедневную газету Северного Кавказа «Молот»: во время голода 1932–1933 годов она освещала репрессии и депортации казаков-станичников гораздо более открыто, чем центральные СМИ.

Я также использовал пребывание в США для встреч с некоторыми специалистами по Восточной Европе. Так, в Филадельфии я впервые лично встретился с Моше Левиным; по пути на Западное побережье в Чикаго смог поговорить с Аркадием Каханом.

В Стэнфордском университете снова встретился с Дороти Аткинсон, а также познакомился с Норманом Наймарком.

В марте 1983 года я еще раз побывал и поработал в Ленинграде. Научная поддержка, оказываемая историческим факультетом ЛГУ, на этот раз была значительно более эффективной, чем в 1976 году, мне даже разрешили посещать лекции. Однако интерес к теме моей работы, «Колхозная система 1930-х годов», сдерживали, поскольку она была связана с такими запрещенными для изучения аспектами, как голод и террор при Сталине. Несмотря на то что приставленный ко мне в помощь коллега Ч. Э. Сымонович, занимавшийся сельским хозяйством Северо-Запада в 1960–1970-е годы, был очень заинтересован, заведующий кафедрой истории КПСС профессор В. А. Смышляев устроил так, чтобы мой доклад по этой теме перед преподавателями не состоялся.

В Германии Гамбургский архив мировой экономики и Кильский институт мировой экономики оказались лучшими библиотеками для сбора информации по теме моих исследований. В целом я снова нашел очень обширный материал по вопросам, касающимся 1930-х годов. К сожалению, информация в публикациях после 1931 года стала скуднее, а затем начиная с 1936 года почти полностью исчезла. Одновременно ухудшилось и качество данных. Тем не менее мне удалось разработать методический подход, позволяющий решить проблему фальсификации исходных данных. В частности, я быстро понял, что опубликованный материал ни в коем случае не является подделкой. Все источники были подвержены одинаковым проблемам достоверности, поскольку материалы должны были соответствовать языковым нормам, введенным режимом. Сомнения были уместны, например, в отношении заявлений руководства партии о том, что нижестоящие органы не выполняли инструкции или допускали «злоупотребления», а если бы они достаточно разъяснили крестьянам требования партии, крестьяне действовали бы «добровольно». Тщательная оценка имеющегося материала позволила сделать весьма убедительные выводы и по этим пунктам. Как аппарат должен был «убеждать», когда от крестьян требовалось отказаться от жизненно важных продуктов питания и средств производства? По каким причинам местные руководители обычно привлекались к ответственности? Почему текучесть кадров на таких должностях, как председатель колхоза или сельсовета, составляла более 30% в год? Было ли вообще экономически осуществимо действие, требуемое от должностных лиц? В частности, как можно было финансировать инвестиции и дополнительно выплачивать деньги колхозникам, если цены на сельскохозяйственную продукцию, установленные государством, покрывали менее трети реальных производственных затрат?

Мне удалось также обнаружить новые источники для изучения 1930-х годов. Например, письма депортированных российских

немцев в посольство Германии в Москве или доклады эксперта по сельскому хозяйству посольства Германии Отто Шиллера о голоде. Эти материалы были дополнены опубликованными в Канаде свидетельствами украинцев, ставших очевидцами голода, и прежде всего опросом лиц, выселенных из Советского Союза во время Второй мировой войны, которые в то время подвергались систематическим и соответствующим научным стандартам опросам в рамках Гарвардского проекта. Достоверность этих разрозненных источников подтверждалась и тем фактом, что сопоставление всех материалов, включая имеющиеся статистические данные, в конечном итоге давало очень правдоподобную картину фактического развития.

Используя материалы 1980-х годов, я не смог ответить только на один важный вопрос: верила ли вообще сама партийная верхушка в публично даваемые ею интерпретации, и на основе какой информации Сталин принимал свои решения? Уже тогда мне было ясно, что статья Сталина «Головокружение от успехов», опубликованная в марте 1930 года, по-видимому, отражала его собственное душевное состояние, в котором он до того давал свои указания. Позже тщательная архивная работа, проделанная Бобом Дэвисом после открытия советских архивов в 1990-х годах, пролила в определенной мере свет на события того времени. Таким образом, сегодня нет сомнений в том, что радикальные политические изменения мнений Сталина в 1931 и 1932 годах, а затем то, какие он ставил задачи в период с 1933 по 1935 год, были обусловлены его пониманием того, что чрезмерный темп и постановка утопических целей в период с 1929 по 1930 год нанесли значительный ущерб. Вместе с моими книгами, опубликованными в 1990 году, это дало возможность скорректировать предыдущую стандартную историографию. К сожалению, на сегодняшний день ни выводы Боба Дэвиса, ни мои не нашли своего отражения в интерпретации сталинизма. При этом крайне важно понять, как Сталин, тайно меняя свой курс, сумел хотя бы смягчить предыдущие ошибочные решения, чтобы сохранить таким образом свою диктаторскую власть.

Тем временем я продолжал работу над новой книгой. В ней я сначала представил статистический обзор 1930-х годов с данными за каждый год по валовой продукции, урожайности с гектара, запасу тракторов, периоду обработки полей, животноводству и поголовью по владельцам. Данные также включали валовое производство, государственные закупки и экспорт сельскохозяйственной продукции. Кроме того, я мог бы привести информацию о жалком уровне приобретения членами колхоза продуктов питания на душу населения и их потреблении продуктов питания за каждый отдельный год. В первой главе были описаны административные и экономические средства принуждения, используемые для ограничения частного производства: ликвидация и депортация кулаков;

налоговая политика, включая возвращение к натуральному налогу с 1933 года. Во второй главе подробно рассматривалось развитие частного сельскохозяйственного производства: сокращение числа единоличников, в том числе самых мелких, среди которых многим не хватало сельхозпродукции для самообеспечения, затем личные подсобные хозяйства колхозников, а также рабочих и служащих. В третьей главе речь шла о том, действительно ли были созданы материальные стимулы для колхозников для увеличения производства. При этом я проанализировал распределение доходов по годам, в частности, изменения, внесенные с 1933 года, и изучил роль ударников и стахановцев в сельском хозяйстве. Не считая механизаторов, на полях или в конюшнях работали почти исключительно молодые женщины.

В целом я смог представить существенно новые сведения о колхозной системе 1930-х годов. Очевидно, что утверждение о том, что принудительная коллективизация напрямую привела к созданию работающей системы передачи ресурсов, все еще распространенное сегодня, не соответствует действительности. На самом деле для этого потребовалась радикальная перемена, я говорю об установлении колхозной системы, которое Сталин — не признавая этого публично — предпринял в конце 1932 года, когда стали очевидны масштабы голода, вызванного принудительной коллективизацией и безжалостной реквизицией сельскохозяйственной продукции. (Но почему он вносил исправления и на чьи советы опирался при этом, Сталин не объяснил.) Трудно представить, что он мог бы сохранить свою диктаторскую власть, если бы публично признал, что на нем лежит ответственность за то, что форсированная индустриализация одновременно с проведением принудительной коллективизации привели к голоду.

Радикальность, с которой предпринимаемые меры изменяли существующую систему, не оставляет сомнений в том, что Сталин осознавал опасность потери власти. Вместо сбора «излишков» был теперь возвращен принцип натурального налога и введены для колхозов заранее установленные нормы сдачи с гектара. После того как в 1931 и 1932 годах колхозники нередко вообще не получали вознаграждения за свой труд, Сталин распорядился, чтобы с 1933 года во время обмолота зерно в обязательном порядке выдавалось в соответствии с дневным заработком колхозникам. Также в 1933 года на приусадебных участках колхозников временно поощрялось животноводство, связанное с введением обязательной поставки определенного количества картофеля, мяса и — при содержании коровы — молока. Самообеспечение частных подсобных хозяйств с 1934 года защитило сельское население и даже значительную часть городского от голода. По сей день часто встречается ложное представление, что коллективизация обеспечила продовольственное снабжение советского населения во время Второй мировой войны. Это неправда: причиной того, что продовольственное снабже-

ние населения не прекратилось во время войны, было принужденное значительной части населения к самообеспечению, вызванное провалом принудительной коллективизации.

Уже к марту 1930 года Сталин смог сохранить свою власть только путем резкой отмены принудительной коллективизации. В начале 1930 года во многих регионах вспыхнули волнения среди женщин-крестьянок, которые успешно атаковали местные власти с помощью имеющегося в их распоряжении оружия, такого как серпы и косы. Использовать армию против них Сталин не решился, потому что в ней служили сыновья этих крестьянок. В 1933 году Сталин признал, что изначально с крестьянками было «недопонимание» по поводу коров. Чтобы сохранить свою власть, Сталин решил немедленно остановить кампанию. Его статья «Головокружение от успехов» призывала к добровольному вступлению в колхоз. В то же время в начале марта 1930 года он распорядился опубликовать устав колхоза, который неожиданно оставил крестьянам приусадебные участки и корову после вступления в колхоз. Своим радикальным изменением курса Сталин остановил протест женщин-крестьянок. Многие колхозы снова распались. Только потому, что «выход» был запрещен сверху, 20% крестьян остались формально зарегистрированными в колхозах до того момента, как Сталин осенью 1930 года провел окончательную коллективизацию с повторными мерами принуждения.

В своей работе я далее смог показать, что на протяжении всех 1930-х годов колхозы держались только постоянным принуждением колхозников. Поскольку им почти не платили за труд, в этом не было ничего удивительного. Каждый год приходилось прибегать к новой налоговой политике: какой бы абсурдной она ни была, необходимо было снова и снова (для устрашения других жителей деревни) разоблачать «кулаков» и экспроприировать их с помощью введенного налога. Наконец, в 1939 году был отдан приказ о сокращении приусадебных участков. Показательно, что после хорошего урожая 1937 года, когда колхозники впервые получили достаточное количество зерна, многие заявили о своем уходе. Они хотели вырваться из системы принудительного труда в колхозе с помощью покупки лошади, и затем вернуться к своему частному хозяйству. Государство немедленно отреагировало новыми репрессиями, введя абсурдно высокий «лошадиный налог» и таким образом закрыл эту лазейку для выхода из колхозов.

Работа продемонстрировала масштабы провала коллективизации и раскрыла еще одно вводящее в заблуждение утверждение — предполагаемая «механизация сельского хозяйства» при Сталине. поголовье лошадей, в значительной степени уничтоженное в результате коллективизации в период с 1929 по 1932 год, никоим образом не могло быть заменено до Второй мировой войны поставками тракторов. Оснащенность сельского хозяйства и, следовательно, качество обработки полей резко ухудшились в 1930-х

годах даже по сравнению с экономикой мелких крестьянских хозяйств, существовавших до этого. Из-за отсутствия тяги посея и сбор урожая затянулись на месяцы, что намного превышает оптимальный срок. Хотя урожай зерновых оставался низким, поскольку государство практически не платило за зерно, определенный успех был достигнут лишь в хлопке, льне и сахарной свекле с середины 1930-х годов: только за счет уплаты предприятиям цен, в значительной степени покрывающих затраты. Поставки животноводческой продукции достигли уровня 1928 года только после смерти Сталина.

Рукопись я смог закончить весной 1988 года. Материал оказался настолько обширным, что мне пришлось разделить его на две книги. От текста, который стал моей докторской диссертацией, я отделил меньшую часть и опубликовал ее также в 1990 году под названием «Социальный подъем в советской колхозной системе 30-х годов? О судьбах партийцев из крестьян, председателей сельсоветов, колхозных начальников, механизаторов и стахановцев». Здесь я представил данные о «кадрах» в сельской местности: деревенский партийный аппарат, «чистки», которые привели к сокращению числа сельских коммунистов, условия их жизни. В частности, я рассказал о том, как набирались председатели колхозов и какую функцию они фактически должны были выполнять для государства. В целом данные о высокой текучести кадров и большом количестве замен уполномоченных сверху в ходе экономических кампаний также подчеркивали, насколько нестабильным был созданный колхозный строй и что он не просуществовал бы без постоянных новых принудительных мер.

Как я защищал докторскую диссертацию, одновременно работая научным сотрудником в Университете им. Юстуса Либиха в Гиссене с 1988 по 1991 год

К моменту завершения моего исследовательского проекта по советскому сельскому хозяйству 1930-х годов, в июне 1988 года я уже поступил на работу в качестве научного сотрудника в Гиссенский университет Юстуса Либиха. Передо мной возникла проблема, как защитить докторскую диссертацию, которая не только по времени (XX век), но и по содержанию (аграрный сектор Советского Союза) была близка к теме моей кандидатской. У наших историков было принято, что кандидатская и докторская должны быть написаны по разным хронологическим периодам: те, кто получил первую степень по теме XX века, должны были в обязательном порядке выбрать для второй защиты тему по XIX веку или ранее.

Я посоветовался с Вольфрамом Фишером, и он рекомендовал защищаться по экономической специальности в Свободном университете Берлина. Моя рукопись «Крестьяне при Сталине» была

принята в качестве диссертационной работы. Получение докторской степени стало для меня дополнительным испытанием — сейчас, спустя столько времени, я могу сказать, что мне повезло, что получил ее. Экономисты, в отличие от большинства историков, были ориентированы на теорию и засыпали бы меня соответствующими вопросами. В Германии принято, что соискатель докторской степени предлагает три темы для доклада (*Habilitationsvortrag*). Все темы должны быть достаточно далеки от темы диссертации на соискание ученой степени. Доклад должен продемонстрировать, что соискатель смог за очень короткое время освоиться в совершенно новой области исследований, а также представить вопросы и утверждения, способствующие развитию исследований, которые сочли бы достаточно убедительными для защиты в ходе обсуждения. Какую тему выберет комиссия, можно было узнать лишь за четыре недели до момента защиты. Итак, мне нужно было подготовиться ко всем трем темам, а затем в кратчайшие сроки — у меня оставалось ровно три недели — подготовить убедительную лекцию. Регламент — 30 минут, выход за рамки регламента оценивался очень негативно.

Для моего доклада, который я прочитал в Свободном университете Берлина 10 января 1990 года перед всеми членами факультета, была выбрана тема «Был ли рабский труд действительно продуктивным?», которая потребовала теоретической проработки. В лекции я сравнивал крепостное право в России и рабство в южных штатах США. Тема подходила наилучшим образом: была достаточно далека от моих предыдущих квалификационных работ, ориентирована на теорию и в то же время вызывала споры в научных кругах. Сама формулировка вопроса содержала провокацию, ибо, согласно Адаму Смиту, труд рабов считался ниже труда свободных наемных рабочих. В своем выступлении я смог рассказать о новых интересных исследованиях. Американские экономисты клиометрической школы выступили тогда против стандартного тезиса о том, что рабство изжило себя в южных штатах в середине XIX века и перестало быть продуктивным. Я мог возразить Смиту, что использование рабов в США на момент отмены рабства было высокопроизводительным и что рабский труд здесь никоим образом не препятствовал техническому прогрессу, и тем самым я также мог бы опспорить мнение о том, что крепостное право в России изжило себя к 1850-м годам. Таким образом, я поставил под сомнение тот факт, что крепостное право действительно было причиной отставания в экономическом развитии России. Мне удалось уложиться в отведенное время и произвести благоприятное впечатление.

Дискуссия продолжалась целый час, и мне показалось, что я стою перед ордой дикарей, которые забрасывают меня копьями. Все вопросы касались теории, и не на все я смог ответить на теоретическом уровне, но тем не менее на каждый из них я дал удо-

влетворительный ответ. Это доставляло все большее удовольствие спрашивающим, но и мне тоже. После этого голосование о присуждении степени прошло единогласно. Я был рад, а Вольфрам Фишер был доволен. Для него было немаловажно, что предложенный им кандидат получил такой положительный отклик.

После присуждения докторской степени я получил статус приват-доцента в Свободном университете Берлина, что предполагало обязательство регулярно проводить там индивидуальные занятия без оплаты, пока я не буду зачислен на должность профессора в другом университете.

Здесь я хотел бы упомянуть еще об одной работе после получения степени, она расширила круг моих тем и, следовательно, направление моих будущих исследований. Германский кооперативный банк планировал выпустить к своему юбилею специальный том, посвященный взаимосвязи между уровнем жизни и экономической системой. Редактором тома был Вольфрам Фишер. Отдельные статьи должны были учитывать контекст разных стран, мне разрешили написать статью о Советском Союзе, и я выбрал тему: «От каждого по способностям, каждому по потребностям? О декларируемом и реальном уровне жизни и экономической системе в России и Советском Союзе». В отдельных главах я подробно остановился на основных этапах советской экономической политики вплоть до перестройки в конце 1980-х годов. Подводя итог, я объяснил изменение уровня жизни низкой эффективностью советской экономической системы и в заключение остановился на периоде преобразований с 1985 года. Таким образом, я углубился в еще одну вполне перспективную тему. В то время историческая наука только начинала уделять особое внимание истории потребления, я же в своих дальнейших эссе рассматривал советскую историю потребления и историю «социалистической» Восточной Европы, сравнивая ее с западной. Опять же, при этом я смог сосредоточиться на выявлении специфики потребления. Я обратил внимание на специфическое и заметное превышение потребления сельскохозяйственной продукции, особенно животноводческой, во всех социалистических странах по сравнению с достигнутым уровнем жизни. Было логично объяснить это отсутствием доступности потребительских товаров промышленного производства во всех странах с командной экономикой. Такой подход послужил основой для оценки трудностей, с которыми столкнулась аграрная реформа в Советском Союзе с 1992 года. Рыночные экономические реформы и повышение цен впервые позволили советскому населению приобрести востребованные потребительские товары промышленного производства и, соответственно, резко снизили спрос на сельскохозяйственную и особенно животноводческую продукцию до уровня, фактически соответствующего достигнутому уровню развития. В Советском Союзе в 1992 году ранее имевшийся дефицит сельскохозяйственной продукции доволь-

но быстро превратился в избыток. Это имело негативные последствия для развития возникавших в то время фермерских хозяйств, которые не находили спроса на предлагаемую ими продукцию⁹.

Следует также упомянуть, что незадолго до истечения срока моей работы в Берлине я начал новый исследовательский проект. Поскольку сперва у меня не было перспектив получить работу, Вольфрам Фишер предложил мне подать на стипендию Немецкого исследовательского фонда, позволявшую мне начать исследовательский проект «Реформы хрущевского периода». Но через несколько месяцев я получил штатную должность в Гиссене. Я смог продолжить сбор материалов только после 1991 года, заняв должность профессора в Билефельде.

Как развивалась моя исследовательская деятельность после вступления в должность профессора в Университете Билефельда, над какими новыми темами я работал с 1992 года

После получения в начале 1990 года докторской степени у меня появились основания подать заявку на профессорскую должность. В 1991 году произошло важное для меня событие: я вернулся к занятиям историей, заступив на должность профессора «всеобщей истории с особым вниманием к истории Восточной Европы» в Билефельдском университете. Наконец я получил постоянную работу. Как профессор университета я мог и должен был теперь сам участвовать в исследовательских проектах.

С появлением совместных проектов с российскими университетами мне пришлось изменить порядок своих исследований. Вместо длительных поездок продолжительностью в несколько недель я начал выделять для них сравнительно короткие периоды времени, когда был свободен. С 1994 года я бывал в России в основном шесть или семь раз в год, в США — по крайней мере раз в два года, обычно для участия в конференциях, а с 2011 года, в рамках сотрудничества, возобновленного моей кафедрой, также посетил Университет Нотр-Дам в Саут-Бенде (штат Индиана). Там мы проводили совместные конференции с аспирантами.

В Москве мои лекции в рамках нашей программы МВА (при РАНХиГС) проходили только по вечерам. Днем я мог работать в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) или Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), а иногда и в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Во время своих визитов в Ярославль я всегда уделял несколько дней посещению бывшего партийного архива. Посколь-

9. *Мерль Ш.* (1998). Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе // Отечественная история. № 1. С. 97–117.

ку даты моих поездок были заранее определены, я всегда заказывал в архивах новые дела к дате моего следующего пребывания, чтобы, не теряя времени, сразу же приступить к работе. Бывая в США, я продолжал регулярно посещать архив Института Гувера в Стэнфорде. Несмотря на то что в среднем я работал в архиве всего 2–4 дня за время пребывания, в целом каждый год у меня получалось не менее 20 архивных дней.

Моя архивная работа была сосредоточена на периоде после смерти Сталина. При этом я просматривал материалы и вплоть до начала 1990-х годов. Документы, ранее закрытые, постепенно рассекречивались. В ходе знакомства с ними я прежде всего хотел получить более полное представление о функционировании и слабых сторонах советской системы. Иногда я также специально оценивал материалы по определенной теме для непосредственной подготовки публикации, например, о выборах в Советском Союзе или региональной деятельности сельскохозяйственных кооперативов до 1920 года (в Государственных архивах Ростова-на-Дону, Ярославля и Томска). Выводы, полученные в результате такого широкого просмотра материала, были использованы в моих публикациях и, в частности, в моей книге о политической коммуникации в условиях диктатуры.

Я также полагался на архивы, особенно в 1990-х годах, для прояснения вопросов, связанных с моим проектом исследования периода правления Хрущева. Во-первых, это касалось того, действительно ли эксперты при Хрущеве могли, как утверждается в литературе, более свободно высказываться и влиять на политику. Изучение различных фондов Государственной плановой комиссии (в том числе Научно-исследовательского экономического института Госплана) дало довольно ясную картину: что ж, экспертам теперь не приходилось бояться немедленного расстрела, но новому партийному руководителю, чтобы заткнуть им рот, было достаточно угрозы потери ими работы.

Только в документах 1956 и 1957 годов и в отчетах сразу после отстранения Хрущева многое было написано открытым текстом. Например, документы начала 1965 года безжалостно разоблачали ту ситуацию, при которой «отчеты об успехах» Хрущева в рамках его кампании, проходившей под лозунгом «догнать и перегнать США», были подготовлены под давлением. Они показали, что почти все ранее представленные данные об этом были сфальсифицированы: фактически с 1956 года отставание Советского Союза от США даже увеличилось. Например, рапорты об успехах в производстве стали в лучшем случае базировались на идеологии валового производства в тоннах, и оказывалось, что Советский Союз почти совсем не производил листовой стали, которая была крайне необходима в машиностроении. Советский Союз еще больше отставал от США почти по всем важнейшим экономическим критериям. Больше всего меня поразило редактирование письма одного

читателя-пенсионера, бывшего инженера, датированного 1958 годом. Он показал, что официально обнародованные данные об экономике США содержали грубые вычислительные ошибки. Компетентные эксперты отказались отвечать на письмо, очевидно, они понимали, что пенсионер прав, и поэтому передали письмо для ответа в институт О. Т. Богомолова (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР). Интересно также отметить, что в первоначальных документах специалистов, датированных 1956 и 1957 годами, касающихся жилищного строительства, содержалась большая осведомленность об имевшихся проблемах. Но потом они поняли, что никто не заинтересован в таких под-сказках. Подобные примеры проливали свет на функционирование советской системы.

Возможность опубликовать хотя бы часть результатов моих исследований о деятельности Хрущева представилась мне в середине 2000-х годов в связи с просьбой написать главу о хрущевском периоде (1953–1964) для Справочника по российской истории. Для этого мне пришлось углубиться в другие темы: внешняя и социальная политика Хрущева и проведение им реформ. Кроме того, теперь я более конкретно рассмотрел вопрос о переходе власти от Сталина к Хрущеву и оценку его политики реформ, в том числе и выходящих за пределы сельского хозяйства. При этом я наткнулся на несколько ключевых документов, которым до сих пор уделялось мало внимания. Особенно показательным был протокол, составленный венгерской делегацией, направленной в Москву, об их встрече с новым руководством в начале июня 1953 года: в нем точно записано, что сказали отдельные участники с советской стороны, в том числе Хрущев, который на самом деле не входил в состав руководства. По-видимому, в этот момент только Берия и Маленков, но ни в коем случае не Хрущев, явно отошли от Сталина. Они стремились к фундаментальным реформам, не заявляя публично о разрыве со Сталиным¹⁰.

В связи с новым проектом на нашем факультете «Политика как коммуникационное пространство в истории» я специально изучал письма и заявления населения. Первый подпроект, отредактированный Вальтером Шперлингом, был посвящен «Прошениям в поздний период Российской империи». Следующий подпроект должен был быть о роли писем и заявлений в советской системе.

10. *Merl S.* (2002). Entstalinisierung, Reformen und Wettlauf der Systeme 1953–1964 // *Handbuch der Geschichte Russlands* / S. Plaggenborg u.a. (Hrsg.). Bd. 5.1: 1945–1991; Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis zum Zusammenbruch der Sowjetunion (2002). Stuttgart: Klett-Cotta. S. 175–312; *Мерль Ш.* (2003). Десталинизация или сохранение системы. Основная дилемма советской политики после смерти Сталина // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Б. В. Ананьича. СПб. С. 106–116.

На этот раз это была тема, возникшая в результате моего собственного исследования — мой интерес заключался в том, чтобы лучше понять значение «писем наверх» при советском режиме.

В связи с этим я написал эссе о значении выборов в Советском Союзе. Я понял, что выборы играли важную роль в поддержании стабильности режима и прежде всего в проверке местных должностных лиц: кто набрал больше голосов против, чем другие, даже если их было всего несколько процентов, или чей избирательный округ имел явку ниже среднего, считался явно неподходящим для своей должности. Все эти факты очень деликатно отмечались в отчетах о выборах, и, соответственно, чиновники внимательно относились к жалобам населения непосредственно перед выборами. Ссылка на нестабильные жилищные условия с намеком на нежелание по этой причине идти на выборы оказывалась вполне убедительной как в Советском Союзе, так и в ГДР, которую я позже использовал для сравнения. Уже само участие в выборах выражало одобрение режиму, поэтому было важно, чтобы все приняли в них участие. В отличие от Запада, где главным был вопрос о том, кто будет избран, в Советском Союзе это было очевидно с самого начала. Речь шла только о том, чтобы продемонстрировать при почти 100% явке избирателей, что население удовлетворено режимом. Поэтому большое значение придавалось также участию всех в собраниях, на которых принимались решения, будь то в партии или на предприятиях. Даже участие в официальных торжествах было выражением одобрения. Впоследствии такие присутствующие оказывались вовлечены в принятие решения или подтверждение согласия с режимом¹¹.

Количество доносов или анонимных писем также можно было оценить в контексте изучения массива писем и заявлений. Официальные расследования часто приходили к выводу, что данное лицо или лица, о которых шла речь, были ложно обвинены. Даже анонимные письма отнюдь не обязательно провозглашали истину. Интересно, что тайной полиции удавалось выявлять многих авторов писем «антигосударственного» содержания, судя по всему, среди них было удивительно много функционеров, занимавших важные государственные посты.

Обращение с письмами и обязательными отчетами показало, какое большое значение, в отличие от западных государств, придавал им режим. Авторы писем обращались к руководителю партии или в ЦК с довольно банальными вопросами, которые должны были бы решаться на более низком уровне: они писали о недовольстве повседневными делами или своим личным положением, ожида-

11. Elections in the Soviet Union, 1937–1989: A View into a Paternalistic World from Below (2011). // Voting for Hitler and Stalin. Elections Under 20th Century Dictatorships / R. Jessen u. Hedwig Richter (Hg.). Frankfurt a.M. S. 276–308.

ли, что «сверху» вмешаются и все уладят, как им бы хотелось. Поэтому было очень важно, чтобы на каждое письмо был дан ответ, даже если оно повторялось несколько раз. Выраженное в письмах доверие населения к «доброму царю», который управлял корпоративной администрацией, также стабилизировало советский режим.

Результаты двух квалификационных работ, выполненных под моим руководством в рамках отдельного исследовательского направления, подтвердили большое политическое значение «писем наверх» как для периода царской империи, так и в дальнейшем для советской власти. На материалах первого подпроекта была защищена кандидатская работа¹². Кирстен Бенкер взяла на себя разработку последующего частичного исследования, а затем в рамках подготовки своей докторской диссертации раскрыла значение телевидения¹³.

Мое решение провести сравнение политической коммуникации в период господства политической диктатуры в Германии и в Советском Союзе связано с упомянутым выше проектом. Мы, как его руководители, решили, что каждый из нас должен написать небольшой том (объемом от 100 до 150 страниц), чтобы донести важные результаты подпроекта до более широкой аудитории. Сначала я сравнил формы политической коммуникации в период сталинизма и национал-социализма, а на этапе после смерти Сталина до конца 1980-х годов сравнивал Советский Союз с ГДР. Это означало, что мне пришлось углубиться в исследования по национал-социалистической Германии и Восточной Германии. При этом я осознал важность «публичных закрытых собраний» для манипулирования голосованием и то, как режимам удавалось с помощью этих собраний заставлять граждан использовать «официальный язык» режима. После установления диктатуры больше не было необходимости убеждать людей. Все, что им нужно было сделать, это не дать людям публично выразить несогласие. Одного участия в ритуалах — будь то выборы или праздники — было достаточно, чтобы поддерживать вовлеченность населения в режим¹⁴.

То, насколько последовательно диктатуры прививали определенные взгляды и поведение, стало очевидным в последующие годы после их окончания. Отдаленные последствия наблюдаются во всех пострадавших государствах, включая новые федеральные земли в Германии. Было показано, что успех диктаторских режимов был основан прежде всего на том, что им удалось привить населению

12. *Sperling W.* (2011). *Der Aufbruch der Provinz. Eisenbahn und die Neuordnung der Räume im Zarenreich.* Frankfurt a.M.: Campus.

13. *Bönker K.* (2020). *Television and Political Communication in the Late Soviet Union.* Lanham u.a.: Lexington.

14. *Merl S.* (2012). *Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich.* Göttingen: Wallstein.

устойчивый образ врага, что в значительной степени мешало людям мыслить рационально и критически. Точно так же действовали раньше секты, а сегодня — правый популизм. Осознание важности устойчиво передаваемых образов врагов позволило мне понять, как правому популизму удалось настолько привязать к себе своих сторонников, что впоследствии они переставали реагировать на рациональные аргументы. Российские историки, изучающие сталинизм, за редким исключением, ориентируются только на собственное окружение и в методологическом подходе отстают от западных стандартов¹⁵.

В Ярославском государственном архиве я решил выяснить, изменилось ли освещение деятельности областного комитета партии в его отчетах в Москву после смены руководства. Для этого я просмотрел, в частности, переписку с ЦК, Советом Министров и Госпланом за период с 1952-го по конец 1980-х годов. Мои заключения о реальной цензуре оказались для меня неожиданными. Я предполагал, что главная цензура на местах развернулась после смерти Сталина, на самом же деле изменения оказались менее заметными: были просто составлены очередные «отчеты об успехах», чтобы оправдать ожидания нового партийного руководства. Однако в них вопрос о личной вине поднимался менее остро, чем при Сталине. Отчетность изменилась значительно больше после отставки Хрущева. Но в то же время бросалось в глаза, что местному партийному комитету приходилось теперь в большей степени заниматься организацией «социалистического соревнования».

В РГАЭ я сначала выбрал для оценки фонд Министерства торговли, опять же, в основном просматривая отчетность и переписку с ЦК, Советом Министров и Госпланом. Поскольку после смерти Сталина большее значение стало придаваться потреблению, я наткнулся на захватывающие документы, касающиеся улучшения планирования потребления с середины 1960-х годов. Министерство, в частности, внесло предложения по преодолению сохраняющейся нехватки востребованных потребительских товаров. Однако предложенные меры нарушали принципы, провозглашенные режимом, и не были приняты.

Исследование потребления заставило меня осознать масштабы использования населением «коррупционных методов», чтобы заполучить желанные, дефицитные товары или услуги. К этому добавлялись воровство и взяточничество. Правительство делало вид, что жестко пресекает коррупционные действия, однако угроза наказания побудила население использовать эти методы тайно. Впрочем, официальные запреты преследовали совсем

15. *Merl S.* (2012). Trägt Baberowskis Gewaltansatz zum Verständnis der Herrschaft Stalins bei? Anmerkungen zu „Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft der Gewalt“ // *Neue Politische Literatur*. Jg. 57. H. 2. S. 215–232.

другие цели. И лишь фактические уголовные дела дают информацию о том, что на самом деле строго наказывалось, что обычно допускалось или даже приветствовалось для поддержания режима, ради удовлетворения населения и удержания его от публичных акций протеста.

Тема потребления также дала мне представление о важности «блата», а также о нелегальных теневых и бартерных рынках. Таким образом, я был хорошо подготовлен к просьбе написать что-нибудь о теневой экономике и значении коррупции в России и Советском Союзе. Сначала я рассказал об этом на конференции в Йене, затем на летней школе по теме коррупции в Пассау. Наконец, по просьбе коллег из Билефельда я систематически разрабатывал эту тему для публикации в сборнике о значении коррупции¹⁶.

Еще при Сталине директора предприятий и население широко использовали коррупционные методы, которые являлись необходимым условием функционирования командной экономики, поскольку предприятия не могли рассчитывать на своевременную государственную поставку сырья и исправного оборудования. И даже воровство оказывалось таким необходимым условием для выживания определенных групп населения, таких как колхозники. На практике, как правило, не действия центра, а применение коррупционных методов позволяло решить, какой завод действительно получит дефицитные товары. После смерти Сталина значение коррупции в потреблении населения еще более возросло. Через «группы друзей» по блату можно было добывать товары и услуги, пользующиеся большим спросом, в том числе путем кражи. Поскольку это было нарушением правил, установленных режимом, об этом молчали. Нехватка востребованных потребительских товаров тем не менее стабилизировала режим, поскольку он обычно терпел, когда люди прибегали к незаконным и коррупционным действиям. Архивные материалы не оставляют сомнений в том, что правительство было хорошо информировано о практике использования коррупционных методов. Ответственные лица решили не бороться с ними открыто, пока дефицитные товары не могут быть предоставлены законным путем. Только после прихода к власти Андропова в короткие сроки была начата кампания по борьбе с коррупцией. Опять же, интересно сравнить, кого посадили и расстреляли, а каких коррумпированных чиновников удалили без привлечения внимания общественности.

16. *Merl S.* (2010). Kann der Korruptionsbegriff auf Russland und die Sowjetunion angewandt werden? In: Niels Grüne u. Simona Slanicka (Hg.), *Korruption. Historische Annäherungen an eine Grundfigur politischer Kommunikation*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 247–279.

Наконец, я ознакомился с архивными фондами Министерства сельского хозяйства, меня особенно интересовало, в какой степени и какими путями министерство получало информацию о состоянии сельского хозяйства на Западе и достижениях в области агротехники. К моему удивлению, оказалось, что интенсивные контакты и обмены именно с США начались еще в 1953 году. Министерство было прекрасно осведомлено о превосходстве западных сельскохозяйственных технологий, что привело к импорту типовых образцов машин, а также высокопроизводительных семян и племенного скота. Но не удалось добиться массового воспроизводства современных сельскохозяйственных технологий. Госплан уклонялся от затрат на строительство новых производственных мощностей, необходимых для этого. Ничего не изменилось в практике производства заведомо некачественной сельскохозяйственной техники и расходования на нее все более крупных государственных средств. Партийное руководство не потребовало от машиностроительной отрасли взять на себя ответственность за ремонт и сервисное обслуживание сельскохозяйственной техники, которую она поставляла. Сельскохозяйственным предприятиям было запрещено самостоятельно выбирать нужную технику. Таким образом, действительно имелись контакты и знания, необходимые для повышения эффективности советского сельскохозяйственного производства, однако ничего из этого не было реализовано в период с середины 1950-х до конца 1980-х годов. Вопиющие недостатки, связанные с отсутствием надлежащей техники для подачи кормов и внутренних перевозок, на которые министерство жаловалось еще в середине 1950-х годов, также сохранялись до конца этого периода.

“I consistently contribute to the assessment of the Soviet economic model”¹⁷

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University, Universitätsstr., 25, 33615 Bielefeld, Germany. E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Abstract. As a part of our traditional “Interviews” we present the selected fragments from the biographical memoirs of Stephan Merl, Professor of the Bielefeld University, a famous researcher of the agrarian economy and policy of the Soviet state. The memoirs were written as answers to the questions formulated by Stephan Merl together with his colleague and friend Alexander Nikulin. The questions set the direction for the biographical reflections as connected with the study of the Russian history and culture, in particular the fate of the Russian village, tragedy of collectivization, and turns of the Soviet agrarian policy. The memoirs reflect the dramatic episodes of the European history in the second half of the 20th century, some of which the author experienced, while others studied in the scientific perspective. Professor Merl’s diligence, deep knowledge

17. Translated from German by L. A. Ovchintseva, edited by A. M. Nikulin and I. A. Kuznetsov.

of historical sources and research objectivity allowed him to suggest a new interpretation of the events that have become history quite recently or are becoming history now. We present an excerpt from his memoirs which will be published in full in the book series of the *Russian Peasant Studies*.

Key words: Russia, Germany, USSR, agriculture, collectivization, agrarian policy, *perestroika*

Штефан Мерль

«Я последовательно вношу свой вклад в оценку советской экономической модели»